

*Магадеев И.Э.**

1918 год и проблема континуитета в европейской истории (международно-политические аспекты)

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о преемственности и новизне в международно-политической ситуации в Европе до и после Первой мировой войны. В центре внимания – понятия и реалии «европейского концерта», грани трансформации «баланса сил» на континенте, дискуссии вокруг формирования инструментария «коллективной безопасности» и о процессах «тотализации» войны. Хотя современники и последующие исследователи не раз отмечали роль «разрыва» 1918 г., автор стремится продемонстрировать его относительный характер, акцентируя попытки возрождения «европейского концерта», предпринимавшиеся в межвоенный период; сохранение Германией и Россией основных рычагов мощи и невозможность стабилизации ситуации на континенте без их участия; скепсис влиятельных современников по поводу реального значения новых механизмов поддержания безопасности и их надежды на недопущение новой «тотальной войны». Обращается внимание на изменившуюся роль США в «европейском порядке» после Первой мировой и на относительное снижение значения Европы в системе международных отношений. Опираясь на документальные материалы и новейшие исторические исследования, автор стремится выявить новые грани поставленных проблем, способствовал их дальнейшему обсуждению в историографии.

Ключевые слова: 1918 год, Первая мировая война, Европа, «европейский концерт», «баланс сил», континуитет, новизна

УДК 63.3(0)61

Abstract: This article aims to explore the problem of continuity and change in the European international politics before and after the First World War. Three topics are emphasised, i.e. evolution of “European concert”, aspects of “balance of power” transformation, and discussions about new system of “collective security” and “total war”. Though significance of 1918 as a point of “rupture”, which was often undelined by contemporaries and scholars, could not be denied, author seeks to demonstrate its ambiguity by showing, how decision-makers tried to revitalise the “European concert” in the interwar period, by emphasising relative continuity in the power position of Germany and Russia and impossibility to stabilise European continent without them, finally, by exploring the sceptical mood of many powerful personalities as regards the new methods of “collective security” and their hopes to escape the new “total war”. Special attention is paid to the new role of the USA

* *Магадеев Искандэр Эдуардович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и политики стран факультета Международных отношений МГИМО МИД России (e-mail: iskander2017@yandex.ru)

in the evolved “European order” and to the place of Europe itself in the changing global configuration of international relations. Author bases his conclusions on the documental evidence and the newest historiography aiming to further the discussion of above-mentioned problems.

Key words: 1918, First World War, Europe, “European concert”, “balance of power”, continuity, change

1918 год, безусловно, является одной из вех в истории Европы и мира в XX веке¹. Год окончания Первой мировой и начала полномасштабного развертывания Гражданской войны в России, год революции в Германии и распада Австро-Венгерской империи, год заявки США на роль «глобального арбитра», отражившейся в «14 пунктах» президента В. Вильсона. По недавней оценке британского историка А. Туза, «старая Европа исчезла в период с октября по декабрь 1918 года. Революция смела Габсбургов и Гогенцоллернов, а вместе с ними королевские династии Баварии, Саксонии, Вюртемберга, 11 герцогств, великих герцогств и 7 более мелких княжеств. Мало кто об этом сожалел»².

Помимо связанных с ним глобальных и региональных трансформаций, 1918 год, по мнению ряда авторов, принес радикально новые черты в развитие имевшейся модели (порядка) международных отношений. В одной из наиболее развернутых форм данный тезис был представлен в 2000 г. французским историком Ж.-А. Суту³. С его точки зрения, Первая мировая война обозначила собой «разрыв в эволюции европейского порядка» по ряду направлений, что было обусловлено факторами как объективного, так и субъективного порядка. Суту выделял три ключевых изменения. Во-первых, переустройство Европы после 1918 г. на базе «принципа права наций на самоопределение» и распад ряда многонациональных империй. Во-вторых, ставку на резкое ослабление проигравших государств, что противоречило принципам и практикам «европейского концерта», функционировавшего ранее. Наконец, в-третьих, растущую идеологизацию международных отношений, при которой победившие страны Антанты стремились создать новый эталон европейской государственности в виде либеральных демократий и «национальных государств» по собственному образцу.

Тезисы, сформулированные Суту, послужили отправной точкой для данной статьи. Ее основная цель – определить степень новизны, принесенной событиями 1918 г., в трансформацию ряда важных международно-политических реалий в Европе: ее политической карты; «баланса сил» на континенте и попыток изменения «правил игры» за счет создания системы «коллективной безопасности»; новой роли войны, приобретшей более «тотальный» характер. Первоначально будут представлены аргументы в пользу тезиса о «разрыве» в европейском порядке в 1918 г., однако затем они будут

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «От интервенции к признанию: “русская” политика Французской Республики в 1917–1924 гг.» №18-09-00498 А.

² Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы [2014]. М., 2017. С. 299.

³ Soutou G.-H. La Première Guerre mondiale: une rupture dans l'évolution de l'ordre européen // Politique étrangère. 2000. Vol. 65. No. 3. P. 841–853.

«релятивизированы» с целью сформулировать более сбалансированную и нюансированную точку зрения. В качестве источников были задействованы как архивные, так и опубликованные официальные документы, дневники, письма и публицистические произведения, характеризующие восприятие событий 1918 г. и его последствий современниками, как находившимися у власти, так и оказывавшими влияние на развитие общественных представлений по важным международно-политическим вопросам.

Развивая тезисы Суту, можно отметить ряд дополнительных фундаментальных трансформаций «европейского порядка», вытекавших из последствий 1918 г.: 1) более радикальный характер геополитических изменений в Центре, Востоке и Юго-Востоке Европы по сравнению с Западом континента; 2) относительное ослабление роли Европы в мире и появление новых «проектов» глобального переустройства (советского и американского); 3) усиление тенденций на «тотализацию» войны. Рассмотрим каждый из этих процессов несколько подробнее.

Идея о радикальном переустройстве геополитического ландшафта в Европе в результате Первой мировой войны и распада империй несколько «затеняет» тот факт, что основная часть подобных трансформаций коснулась Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в то время как положение в западной и северной частях континента изменилось в меньшей степени. Несмотря на все значение таких фактов как территориальное расширение Франции (возвращение потерянных ранее частей Эльзаса-Лотарингии), Италии (Южный Тироль, Каринтия, Триест, Истрия), Бельгии (Эйпен-Мальмеди), Дании (Северный Шлезвиг), временную оккупацию левого берега Рейна и установление международного управления в Сааре, по своим масштабам их сложно было сравнить с процессами в Центре, на Востоке и Юго-Востоке континента. Образование целого ряда новых государств (Польша, Чехословакия, Венгрия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Австрия, государства Балтии) и расширение территории уже существовавших (Румыния, Греция) в основе своей были связаны с распадом Австро-Венгерской империи, со стратегическим отступлением Веймарской республики и Советской России, сменивших своих имперских «предшественников», с сокращением территории Болгарии⁴.

Последствия подобных геополитических сдвигов для «баланса сил» в Европе были разнообразны. Можно согласиться с британским историком Х. Строном, подчеркивавшим, что целый ряд ключевых элементов послевоенного международного порядка «имел свои истоки не столько в процессе мирного урегулирования в 1919 г., сколько в характере ведения войны в 1914–1918 гг.»⁵. Послевоенный «баланс сил» сложно рассматривать как, главным образом, результат сознательного «конструирования» «творцами Версаля». Скорее (хотя и не только), речь шла о попытках руководства

⁴ Среди новейших работ по послевоенному урегулированию см.: Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: От национальных движений к созданию национальных государств / Отв. ред. М. Волос, Г.Д. Шкундин. Т. 1. М., 2012; Пресняков А.З. Проблема мирного урегулирования на территории бывшей Австро-Венгрии: роль великих держав (1918–1921 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014; Sharp A. Versailles 1919: A Centennial Perspective. London, 2018.

⁵ Strachan H. The First World War as a Global War // First World War Studies. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 12.

западных держав реализовать свои интересы в условиях слабо контролируемой ситуации, образовавшейся в результате ведения войны и ее малопредсказуемого завершения.

Это отнюдь не отменяло того, что произошедшие после 1918 г. изменения были внушительны. Версальские военные и территориальные ограничения в отношении Германии, ограничившие ее мощь (по крайней мере, в краткосрочной перспективе), вкупе с Революцией и Гражданской войной в России и распадом Австро-Венгрии делали из Франции сильнейшее сухопутное, а из Великобритании – сильнейшее военно-морское государство в Европе. По оценке британского министра иностранных дел Дж. Керзона от декабря 1921 г., «в результате войны осталось лишь две настоящие великие державы в Европе – Франция и мы...»⁶.

Образование новых государств на «обломках» Австро-Венгрии и на флангах бывших Германской и Российской империй делало политический ландшафт Европы намного более дробным, чем ранее. Вытекавшие отсюда сложности политической и экономической координации действий новых государств усугублялись многочисленными противоречиями между ними. В результате произошедших изменений была ликвидирована довоенная российско-германская граница, а государства «санитарного кордона» на границах Советского государства, являвшиеся одновременно «тыловыми союзниками» Франции перед лицом Германии, стали барьером между Берлином и Москвой. В существовании подобного барьера, в свою очередь, были заинтересованы Лондон и Париж, рассматривавшие возможность советско-германской «сцепки» как один из худших стратегических сценариев. По словам Керзона в одной из внутренних телеграмм августа 1920 г., в условиях продвижения Красной армии к Варшаве, «комбинация России и Германии» будет «фатальной для надежд на мир и на выполнение Версальского договора»⁷.

После 1918 г. менялся не только «баланс сил» в самой Европе, но и относительное место и значение Старого Света в глобальной мировой политике. По словам Туза, «в результате Великой войны возник новый порядок, который, помимо стычек, происходивших между новыми государствами, и их показного национализма, сулил изменение основ в отношениях между великими державами... Зарождающийся новый порядок во многом был обусловлен невидимым присутствием главного определяющего элемента – новой мощи Соединенных Штатов»⁸. Схожие ощущения присутствовали и среди современников, которым также нередко представлялось, что Первая мировая война – глобальная по размаху, но протекавшая все же преимущественно в Европе, – резко ослабила последнюю и снизила значение европейских проблем на фоне происходивших изменений более фундаментального и безповоротного характера. В феврале 1918 г. Ф. Гийонек, инспектор Банка Франции, близкий к президенту Р. Пуанкаре, записал в своем дневнике: «Англичане и американцы, которые извлекли

⁶ Цит. по: Sharp A. *Anglo-French Relations from Versailles to Locarno, 1919–1925: The Quest for Security // Anglo-French Relations in the Twentieth Century: Rivalry and Cooperation / Ed. by A. Sharp, G. Stone. London, 2000. P. 120.*

⁷ Curzon to Derby, 13 August 1920 (in C.P. 1775) // *The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office (CAB) 24/110. Fol. 388.*

⁸ Туз А. Указ. соч. С. 22.

большую пользу из войны – одни, сконцентрировав свои злополучные и несправедливые капиталы, вторые, обогатившись, – весьма очевидно намереваются широко участвовать в восстановлении нашей страны, чье богатство было столь серьезно задето войной. Их цели достаточно явные: как можно больший контроль над нашими делами...»⁹. В октябре того же года У. Уайзман, один из главных резидентов британской Секретной разведывательной службы в США, отмечал схожую тенденцию – «возрастающее осознание того, что после войны останутся лишь две великие державы – Великобритания и США»¹⁰. Наконец, примечательной была реакция главы Совета народных комиссаров В.И. Ленина на меняющуюся международную ситуацию в речи на VI Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов 8 ноября 1918 г., за три дня до подписания Компьенского перемирия: «Товарищи, вот во время последних месяцев, последних недель международное положение стало резко меняться, пока германский империализм не оказался почти разрушенным... Оказалось, что американский империализм подготовился, и Германии был нанесен удар. Наступило совершенно иное положение»¹¹.

Само появление двух новых концептуальных проектов, предложенных руководителями «неевропейских» держав – Советской Россией и США – также фиксировало (в перспективе) усиление новых векторов международного развития. Примечательна в этом смысле тенденция ряда исследователей говорить о 1917 г. как о начале «холодной войны» в международной истории¹². При всей дискуссионности подобной точки зрения характерна базовая авторская интенция: Российская Революция и окончание Первой мировой войны воспринимаются не столько как завершение прошлой эпохи, сколько как предвестники новой.

И ленинская и вильсоновская концепция, по крайней мере, на уровне риторики, но отчасти – и практики, настраивали на «разрыв» с прошлой моделью европейского «баланса сил». Последняя воспринималась не столько как вариант «европейского концерта», сколько через призму постоянных войн и конфликтов, связывались ли те с политикой милитаристских и недемократических государств, или империалистических и капиталистических. Вильсоновский проект стремился реформировать существовавший ранее «европейский порядок» за счет признания «права наций на самоопределение» и выстраивания многосторонней системы «коллективной безопасности», не позволившей возродиться довоенной системе союзов, которая, как считалось, почти неизбежно вела к войне. Обобщая выступления президента США в 1916–1917 гг., британский историк Дж. Томпсон писал о том, что

⁹ Note de Guionic, 18 février 1918 // Bibliothèque nationale de France, Département des manuscrits, Nouvelles acquisitions françaises 16055 (Papiers Poincaré).

¹⁰ Цит. по: Reynolds D., Dimpleby D. An Ocean Apart: The Relationship between Britain and America in the Twentieth Century. N.Y., 1988. P. 85.

¹¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. Изд. 5-е. М., 1969. С. 156.

¹² См., к примеру: Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. М., 2002; Carley M.J. Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet–Western Relations. Lanham, 2014.

«прежде и во главе всего, он настаивал на необходимости создания Лиги наций¹³ или “какого-то ясного концерта держав, который сделает практически невозможным, чтобы подобная катастрофа когда-либо обрушилась на нас”. Он призывал одновременно и к сокращению вооружений, и к “новой и более здоровой дипломатии”, которая не выльется в “секретные заседания” и будет основываться на идее о том, что поведением государств “должен управлять тот же высокий кодекс чести, соблюдения которого мы требуем от индивидов”»¹⁴.

Хотя сами формулировки указывали на сближение идей новой международной организации и прошлого «европейского концерта», тем не менее был очевиден и критический запал Вильсона, направленный против реалий международных отношений в Европе перед началом Первой мировой. О том, что система Лиги Наций (пусть и без участия США), а также система региональных соглашений, направленных на кооптацию потенциального агрессора, а не на создание коалиции против него (*à la* Локарнские соглашения 1925 г.) рассматривались как антитеза довоенной «системе союзов» говорили и британские оценки. Еще в сентябре 1915 г. министр иностранных дел Великобритании либерал Э. Грей писал помощнику президента США полковнику Э. Хаузу, отчасти подлаживаясь под идеи Вильсона: «Не предложил бы президент создать некую Лигу наций, притом, что ее участники возьмут на себя обязательства выступить против любой державы, нарушившей договор ... или отказавшейся в случае конфликта следовать другим методам его разрешения, нежели война?»¹⁵ О том, что подобные схемы «коллективной безопасности» воспринимались как отход от прошлого, свидетельствовала и ремарка на заседании Комитета имперской обороны в феврале 1925 г. уже ушедшего с поста главы Форин Офиса Керзона. Выступая тогда против идей о предоставлении Великобританией гарантий безопасности восточных границ Франции и Бельгии, Керзон задавался вопросами: не приведут ли подобные действия Лондона «напрямую к довоенной ситуации, которую мы всегда клеймили как главную причину войны? Сколько раз мы говорили о том, что теория баланса сил была фатальной и стала причиной европейской войны... во многих кругах считают, что Лига Наций должна заменить собой разнообразные союзы, что существовали ранее»¹⁶.

В советской концепции своего рода идеальная модель международного развития также предполагала отсутствие больших войн при нескольких базовых условиях: постепенное создание социалистических республик, которые должны были прийти на смену «империалистическим государствам»; переформатирование политической карты Европы и мира с учетом «права наций на самоопределение»; замена тайной дипломатии капиталистических стран «народной, действительно

¹³ Написание «Лига наций» дается при наличии такового в тексте источника. Международная организация дается в написании «Лига Наций».

¹⁴ Thompson J.A. Wilsonianism: the Dynamics of Conflicted Concept // International Affairs. 2010. Vol. 86. No. 1. P. 32.

¹⁵ Цит. по: Renwick R. Fighting with Allies: America and Britain in Peace and War. London, 1996. P. 13.

¹⁶ Committee of Imperial Defence, Draft Minutes of the 196th Meeting, 19 February 1925 // TNA, CAB 24/172. Fol. 69.

демократической внешней политикой», как писал первый народный комиссар по иностранным делам РСФСР Л.Д. Троцкий в обращении от 10(23) ноября 1917 г.¹⁷ В целом своеобразная «переключка» советского и американского проектов при всех их противоречиях была показательной как для ситуации 1917–1918 гг., так и для международного положения позже, уже после 1945 г.: «И у Вильсона, и у Ленина почти полностью отсутствовали преграды для обличения старой модели международных отношений. В основе сходства двух проектов лежало то, что они были выдвинуты силами, не связанными с прежней системой ... либо слабо интегрированными в нее...»¹⁸. Как в декабре 1918 г. говорил Вильсон в узком кругу своих приближенных, сопровождавших его на борту океанского лайнера «Джордж Вашингтон» в Европу, «яд большевизма был с готовностью принят миром, поскольку он был протестом против той системы, по которой работал мир». Президент США полагал, что «наше дело на мирной конференции – сражаться за новый порядок: “в согласии [с другими державами], если получится, не соглашаясь [с ними], если то будет необходимо”»¹⁹.

В качестве еще одного важного новшества, привнесенного в международно-политическую ситуацию Первой мировой, нередко рассматривается растущая «тотализация» войны²⁰. Термин «тотальная война», который, как считается, ввел в оборот французский крайне правый политик Л. Додэ в 1916 г.²¹, никогда не был политически нейтральным и использовался различными деятелями в собственных целях: самим Додэ – с целью организовать преследование «внутренних врагов» (натурализованных немцев, пацифистов и др.); премьер-министром Франции Ж. Клемансо, автором идеи «интегральной войны», – отчасти со схожим посылом, для доведения войны до победного конца и максимального напряжения внутренних сил; немецким генералом Э. Людендорфом – для снятия ответственности с военного командования и для оправдывания поражения второго Рейха, которое он пытался связать с легендой об «ударе ножом в спину» (Германия-де так и не встала на рельсы подлинно «тотальной войны») ²². Тем не менее большинство из современников, говоривших и писавших о «тотальной войне», стремились, среди прочего, подчеркнуть с помощью данного термина новый характер военных действий – они требовали вовлечения ресурсов всего общества и государства; приводили к постепенному «стиранию» граней между фронтом и тылом; сопровождалась выраженной

¹⁷ Цит. по: Остапенко А.И. Идея мировой революции и формирование Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР в конце 1917 – начале 1918 г. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2017. №7. С. 9.

¹⁸ Романова Е.В. Планы держав-победительниц и мировые реалии // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М., 2014. С. 449.

¹⁹ Запись была сделана 10 декабря 1918 г. И. Боуменом, членом группы «Инквайри» – «мозгового центра» при администрации Вильсона. Цит. по: Smith L.V. Sovereignty at the Paris Peace Conference of 1919. Oxford, 2018. P. 184.

²⁰ См., к примеру: Нагорная О.С. Военный плен Первой мировой на Восточном фронте: традиции «прекрасной эпохи» и тенденции «тотальной войны» // Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 1. С. 122–134.

²¹ Daudet L. Une guerre totale: eux ou nous // Action Française, 11 mars 1916.

²² Saint-Amour P.K. On the Partiality of Total War // Critical Inquiry. 2014. Vol. 40. No. 2. P. 420–449.

жестокостью, которую либеральный XIX в., казалось, либо постепенно отодвигал в прошлое применительно к Европе либо оттеснял на периферию в колонии.

Несмотря на всю роль тех новшеств, которые события окончания Первой мировой войны внесли в международные отношения, представляется уместным несколько релятивизировать степень «разрыва» 1918 г. в их развитии. Уже простая смена хронологических «линз» отчасти заставляет вспомнить фразу о том, что «все новое – хорошо забытое старое». Масштабные трансформации на континенте после 1918 г. отчасти «возвращали» Европу к геополитической и стратегической ситуации XVII–XVIII вв. Восстановление Польского государства на Востоке, которое Ленин не без основания называл не только «буфером между Россией и Германией», но и «опорой всего Версальского договора»²³, отчасти «отменяло» разделы Речи Посполитой, фиксируя к тому же стратегическое отступление нового Российского государства и Германии. Возвращение Францией Эльзаса-Лотарингии и союзная (но все же преимущественно французская) оккупация левого берега Рейна, претензии Парижа на Саар – все это напоминало давний поиск «естественных границ» и стремление к раздроблению единого Германского государства. Наконец, французская политика «тыловых союзов» по своей базовой логике была схожа с французским же курсом, начиная с XVII в., на поддержание «восточного барьера» (тогда в виде Швеции, Речи Посполитой и Турции): «Первоначально задуманный как “второй фронт” в тылу Габсбургов, с начала XVIII в. “восточный барьер” стал рассматриваться в Париже и как средство сдерживания экспансии на запад России»²⁴.

Распространявшиеся представления о «тотальной войне», в определенной степени ставшие реакцией на шок насилия и «варварства» Первой мировой, отражали настроения «прекрасной эпохи» конца XIX – начала XX вв., на которую пришлось отсутствие «больших войн» в Европе. Однако реалии Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. или Революционных и Наполеоновских войн 1792–1815 гг. серьезно контрастировали с подобным оптимизмом. Неслучайно, что современные исследователи пытаются (хотя и нередко спорно) ставить вопрос о «тотальной войне» и применительно к данным конфликтам²⁵.

Однако относительный характер «разрыва» 1918 г. заметен не только при сравнении с прошлыми историческими периодами. Любопытно, что оценки Суту в одной из статей 1993 г. несколько отличались от тезиса о «разрыве» в истории «европейского порядка», сформулированного им семью годами позже. Тогда французский историк полагал, что мирные договоры 1919–1920 гг. «одновременно учитывали новый дух вильсонизма (то есть, право народов на самоопределение), но также и традиционные соображения держав, связанные с желанием контролировать Германию и Венгрию,

²³ Из доклада В.И. Ленина «Политический отчет ЦК РКП(б)» на IX партконференции РКП(б), 22 сентября 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / Отв. ред. Г.М. Адиебеков. М., 2004. С. 63.

²⁴ Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 58.

²⁵ Bell D.A. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know it. N.Y., 2007; Wilson P.H. Was the Thirty Years War a "Total War"? // Civilians and War in Europe 1640–1815 / Ed. by E. Rosenhaft, E. Charters, H. Smith. Liverpool, 2012. P. 21–35.

с наследием практик Европы XIX в., в особенности с реализацией общей ответственности Европы в вопросе национальностей. Мир 1919 г. – результат более сложного синтеза, чем об этом нередко говорится»²⁶. При этом, как и в случае с идеей о радикальной новизне, привнесенной Первой мировой войны, стоит обратить внимание как на объективные (затруднительность одномоментных «разрывов» в истории), так и на субъективные факторы континуитета (роль ранее накопленного опыта и ностальгии государственных и общественных деятелей, сформировавшихся в прошлые эпохи).

Геополитические и стратегические трансформации и на Западе и на Востоке Европы в немалой степени «сглаживались» ввиду сохранявшихся констант в виде ослабленных, но не потерявших потенциала для восстановления своих позиций Германского и Российского государств. Немецко-американский историк Г. Вайнберг еще в 1969 г. высказывал мысль о том, что Версальское урегулирование, учитывавшее хотя бы отчасти «национальный принцип», отнюдь не во всем было невыгодно для Германии: «... российское поражение открыло путь для переделки карты Юго-Восточной Европы не Россией, но местными силами. Такие результаты, как появление новых стран наподобие Чехословакии или расширение уже существовавших в случае Румынии, означали, что на юге и востоке Германия будет стоять перед лицом новых и относительно слабых государств, а не угрожающе увеличившейся Российской империи»²⁷.

Объективная ситуация, при которой Германия и Советская Россия, ослабленные в краткосрочной перспективе, но сохранившие экономические, демографические и политические основания для восстановления своей мощи в долгосрочной перспективе, осознавалась рядом западных современников. В феврале 1923 г., вскоре после начала Рурского кризиса – ввода французских и бельгийских войск в Рур, на который пришелся пик попыток Парижа в 1920-е гг. ослабить и расчленив Германию, – один из влиятельных сотрудников Кэ д'Орсэ, глава управления торговых отношений Ж. Сэйду призывал помнить, что «цель, которую мы должны достичь» – восстановление нормальных отношений с Германией: «Недостаток мирного договора как раз и заключался в том, что эти отношения не были восстановлены. Этот договор одновременно является и обременительным [для Германии] и неработающим. Если мы не поспособствуем созданию такого положения дел, при котором Германия, выполняя постановления по репарациям, одновременно даст нам гарантии неповторения агрессии с ее стороны... наши труды пропадут зря». Более того, с точки зрения Сэйду, «существование Польши, в нынешнем виде, с трудом совместимо с ситуацией, когда Германия и Россия восстановят свои силы и мощь»²⁸.

²⁶ Soutou G.-H. Les grandes puissances et la question des nationalités en Europe centrale et orientale pendant et après la Première Guerre mondiale: actualité ou passé? // Politique étrangère. 1993. Vol. 58. No. 3. P. 704.

²⁷ Weinberg G. The Defeat of Germany in 1918 and the European Balance of Power // Central European History. 1969. Vol. 2. No. 3. P. 254.

²⁸ Note de Seydoux, 16 février 1923 // Documents diplomatiques français. 1923. T. 1. Bruxelles, 2010. P. 247.

В еще более очевидной форме подобные идеи были представлены в британской внешней политике, особенно в 1925 г., который был отмечен движением к Локарнским соглашениям. В записке 19 марта тогдашний министр О. Чемберлен ясно писал: «Я верю, что в данный момент в силах Великобритании принести мир в Европу. Для достижения этой цели необходимы две вещи: 1. Мы должны устранить или смягчить французские страхи; 2. Мы должны вернуть Германию обратно в европейский концерт. Обе вещи важны в одинаковой степени. Ни одна из них сама по себе недостаточна, и первая необходима для возможности свершить вторую»²⁹. В конечном счете невозможность стабилизации Европы без привлечения Германии была налицо и после намного более очевидного краха рейха в годы Второй мировой войны. Согласно внутренней оценке Госдепартамента США января 1947 г., «пусть и потерпевшая поражение, Германия до сих пор является сердцем Европы»³⁰.

В этом смысле объективное положение дел (невозможность «тотального» уничтожения потенциала Германии и России и стабилизации Европы без их участия) усиливалось и субъективными факторами – наличием прошлой практики и образца «европейского концерта». Последний оставался притягательным примером для Лондона, особенно для кадровых сотрудников Форин Офиса (в т.ч. Э. Кроу³¹), сформировавшихся в прошлые эпохи и игравших немаловажную роль в обеспечении континуитета британской внешней политики. Еще в марте 1919 г. в Париже премьер-министр Д. Ллойд Джордж подчеркивал необходимость интеграции Германии в послевоенную Европу, опираясь на прецедент 1815 г. А.У. Веллингтон и Р.С. Каслри, доказывал британский премьер, хотя и являлись «злейшими врагами» наполеоновской Франции выступили против намерения Пруссии навязать «тяжелейшие условия» побежденному государству. Вместо разрушения Франции они стремились инкорпорировать державу, «чье присутствие было необходимо для цивилизации и стабильности в Европе» в систему «европейского концерта». Победители 1918 г., намекал Ллойд Джордж, должны последовать этому примеру³².

Не без влияния сотрудников Форин Офиса все большим адептом идеи «европейского концерта» на протяжении 1925 г. становился и Чемберлен. 21 февраля он признавался, что «был сильно поражен» наблюдением консультанта по историческим вопросам Д. Хедлема-Морли о том, что «первой мыслью Каслри после 1815 г. было восстановление “европейского концерта” и даже самые амбициозные устроители мира в Версале при составлении Устава Лиги Наций оставили пробел, который может быть восполнен лишь новым “европейским концертом”»³³. После заключения Локарнских соглашений Чемберлен только укрепился в подобных идеях и акцентировал в письмах сестрам от 28 ноября и

²⁹ Цит. по: Grayson R. Austen Chamberlain and the Commitment to Europe: British Foreign Policy, 1924–29. London, 1997. P. 45.

³⁰ Цит. по: Jackson S. Prologue to the Marshall Plan: The Origins of the American Commitment for a European Recovery Program // The Journal of American History. 1979. Vol. 65. No. 4. P. 1060.

³¹ Dunn J.S. The Crowe Memorandum: Sir Eyre Crowe and Foreign Office Perceptions of Germany, 1918–1925. Cambridge, 2013.

³² Cohrs P.O. The Unfinished Peace after World War I: America, Britain and Stabilisation of Europe, 1919–1932. Cambridge, 2008. P. 42.

³³ Цит. по: Grayson R. Op. cit. P. 40.

26 декабря идею «преимущества британской внешней политики» с начала XIX в.: со своего портрета Каслри должен был видеть, как подписывались Локарнские соглашения в Лондоне, – полагал министр³⁴.

Хотя Первая мировая война очевидным образом обозначила тренд на усиление позиций США, значение «разрыва» 1918 г. было относительным и в этом отношении. Окончательный отказ Сената США от ратификации Версальского договора и Устава Лиги Наций в марте 1920 г. не только сократил возможности Вашингтона влиять на ситуацию в Европе политическими (хотя и не финансово-экономическими) средствами, но и усилил европоцентристские тенденции в самой международной организации. Критикуя подобную ситуацию, китайский представитель Чао Шинчу говорил на VI сессии Ассамблеи Лиги Наций в 1925 г. о том, что «китайский народ не ощущает руки Лиги на Азиатском континенте»³⁵.

Амбициозные идеи «коллективной безопасности» также были далеки от полноценной реализации. Чемберлен и его французский коллега А. Бриан говорили на Локарнской конференции в октябре 1925 г. германскому министру иностранных дел Г. Штресеману о том, что обязательства, которые берут на себя члены Лиги Наций в отношении совместных действий против агрессора (ст. 16 Устава), «в общем остались в состоянии моральных обязательств», что они «точно не определены и государства могут толковать их различно, в зависимости от конкретных обстоятельств данного конфликта»³⁶. Хотя непосредственной целью Чемберлена и Бриана было получить согласие Штресемана на вступление Германии в Лигу Наций и взятие на себя обязательств по ст. 16, подобные слова, как ни странно, были недалеко от реальности.

Таким образом, несмотря на все значение вильсоновского и ленинского «проектов», реализация и того другого на практике после 1918 г. – в условиях изоляционизма Соединенных Штатов и слабости Советского государства – была далека от масштабных замыслов их создателей. Скорее, «отступничество» США, которое в мае 1925 г. клеймил британский бригадный генерал Дж. Морган, бывший член Союзной контрольной комиссии в Германии³⁷, воспринималось как шаг к серьезной трансформации изначальных замыслов 1918–1919 гг. В меморандуме от 26 февраля 1925 г. по проблеме европейской безопасности Чемберлен подчеркивал: «После Наполеоновских войн первой задачей британских государственных деятелей было восстановить Европу посредством концерта великих держав и создать для Франции место в этой системе. Государственные деятели, собравшиеся в Версале, предприняли более амбициозную

³⁴ The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with His Sisters Hilda and Ida, 1916–1937 / Ed. by R.C. Self. Cambridge, 1995. P. 271. Ранее, на Локарнской конференции, соглашения были лишь парафированы.

³⁵ Цит. по: Илюхина Р.М. Лига Наций 1919–1934. М., 1982. С. 176.

³⁶ Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959. С. 236, 300.

³⁷ Речь шла о его выступлении 4 мая 1925 г. в Европейском центре Карнеги в Париже. Оpubл. в: Morgan J.H. Le problème de la sécurité // Revue des deux mondes. 15 Juin 1925. P. 891.

попытку. Они пытались заменить концерт европейских держав мировым союзом. К сожалению, их схема изначально была искажена из-за ухода Соединенных Штатов и отсутствия России»³⁸.

В этом отношении недавний тезис американского историка П.О. Корса о том, что история международных отношений в Европе в 1919–1932 гг. во многом являлась попыткой создания преимущественно англо-американского трансатлантического порядка для урегулирования континентальных проблем на базе франко-германского примирения (автор делает очевидные отсылки на похожий сценарий после 1945 г.), представляется дискуссионным³⁹. Можно согласиться с теми исследователями, которые отмечают, что «англо-американские отношения в тот период еще не носили характера стратегического партнерства»⁴⁰, а также выражают скепсис относительно масштаба обязательств применительно к Европе, которые готовы были взять на себя Вашингтон и Лондон, – это ослабляло потенциал стабильности предполагаемой «евро-атлантической системы»⁴¹. Да и с точки зрения Чемберлена и британского посла в США в 1924–1929 гг. Э. Говарда, «локарнский концерт» Лондона, Парижа и Берлина, скорее, должен был выступить не европейским «ответвлением» трансатлантического порядка, а «балансиром» нарастающей мощи США в руках Великобритании. Последняя за счет спокойствия в Европе стремилась, среди прочего, укрепить и иной инструмент своего влияния – взаимодействие с империей и доминионами⁴².

Анализ обозначенного Первой мировой тренда на «тотализацию» войны также заставляет акцентировать относительный характер «разрыва» 1918 г. Окончание Первой мировой нередко рассматривалось многими современниками, скорее, как своеобразная «цезура», пауза, оборвавшая путь к Европе без войн, который необходимо было продолжить. По оценке британского историка Р. Овери, «возможность тотальной войны колоссальным образом повышала потенциальные ставки в будущем конфликте. После 1918 г. нередко считалось, что сама перспектива тотальной войны будет оказывать сдерживающий эффект на любое государство, её замыслившее»⁴³.

Новизна, которая была привнесена Первой мировой войной в дискуссии о «тотальной войне», носила относительный, а не абсолютный характер. Это проявлялось на трех основных уровнях. Во-первых, на уровне концепций: не говоря уже о приведенных выше примерах жестоких войн прошлого периода, один из ключевых образов «тотальной войны» – авиационные налеты, «размывавшие» границы между тылом и фронтом – присутствовал и до 1914 г., в т.ч. в известных произведениях Г. Уэллса «Война в воздухе» (1908) и «Освобожденный мир» (1913). И значительно

³⁸ С.Р. 122 (25), Memo by Chamberlain, 26 February 1925 // TNA, CAB 24/172. Fol. 123.

³⁹ Cohrs P.O. Op. cit.

⁴⁰ Романова Е.В. Первая мировая война и трансформация системы международных отношений // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. №4. С. 27.

⁴¹ Steiner Z. [Review] // The English Historical Review. 2007. Vol. 122. No. 498. P. 1061.

⁴² Johnson G. Austen Chamberlain and Britain's Relations with France, 1924–1929 // Diplomacy & Statecraft. 2006. Vol. 17. No. 4. P. 753–769.

⁴³ Overy R.J. Air Power and the Origins of Deterrence Theory before 1939 // Journal of Strategic Studies. 1992. Vol. 15. No. 1. P. 75.

позже, в 1966 г., бывший премьер-министр Г. Макмиллан акцентировал эту грань восприятия, подчеркивая, что «в 1938 г. мы думали о войне в воздухе примерно так же, как люди думают сегодня об атомной войне». Комментируя этот отрывок из мемуаров Макмиллана, британский историк Д. Рейнольдс отмечал: «Это не было лишь массовой паранойей, которую стимулировали Г. Уэллс, Бертран Рассел [выступавший с пацифистских позиций и подчеркивавший разрушительность новых средств ведения войны. – И.М.] и другие. В октябре 1936 г. объединенный подкомитет по планированию Комитета начальников штабов считал, что в первые 24 часа после начала нападения на Лондон с воздуха количеств потерь составит ок. 20 000 чел., а через неделю – ок. 150 000»⁴⁴.

Во-вторых, дискурс и идеи «тотальной войны» контрастировали с реальной практикой на протяжении большей части межвоенного периода (а во многом – и до июня 1941 г.). В 1920–1930-е гг. военные руководители ведущих держав почти всегда держали вариант «тотальной войны» в голове как потенциальный сценарий в случае столкновения с примерно равным противником, а, скорее, – в случае конфликта враждебных коалиций. Однако реальные образцы главных эвентуальных конфликтов, особенно в 1920-е гг., были иными: для Великобритании – «малые войны» в колониях, морская война с Японией или воздушная война с потенциальным европейским гегемоном; для Франции – относительно легкое наступление на территорию ослабленной Германии (до 1929 г.), а затем оборона против нее с опорой на «линию Мажино»; для Германии – оборона против Франции и Польши, а после перевооружения вермахта – подготовка к «тотальной войне», но с надеждой на возможный успех «блицкригов»; для СССР – оборона против широкой коалиции лимитрофов, пользовавшихся военно-технической поддержкой со стороны Великобритании и Франции. «Тотальная война» задавала эталон конфликта великих держав (особенно для Москвы и Парижа), однако не была единственным вариантом его развития⁴⁵.

Наконец, в-третьих, оторванность тезиса о «тотальной войне» от реальной ситуации на протяжении большей части межвоенного периода была связана лишь с постепенным укоренением ключевых элементов, своего рода «триптиха» «тотальной войны» – технологий (хотя их это касалось в меньшей степени), тотальных (тоталитарных) идеологий, тотальных (тоталитарных) государств⁴⁶. Если Первая мировая война ускорила развитие военных технологий и техники (хотя появление атомной бомбы выведет их разрушительность на кардинально новый уровень), способствовал дальнейшей «тотализации» войны, то в отношении идеологий и государств доминирующей после 1918 г., скорее, была идея возврата к довоенному либеральному порядку при сокращении вмешательства государства

⁴⁴ Reynolds D. Churchill's Writing of History: Appeasement, Autobiography and The Gathering Storm // Transactions of the Royal Historical Society. 6th Ser. Vol. 11. Cambridge, 2001. P. 234.

⁴⁵ Магадеев И.Э. Уроки «Великой войны»: новые стратегические реалии в оценках военного руководства европейских держав в 1920-е гг. // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 497–526.

⁴⁶ Магадеев И.Э. Динамика тотализации войн в истории XX столетия // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.) / Отв. ред. А. А. Богдашкин. Воронеж, 2017. С. 5–18.

в экономику, восстановления демократических порядков и реалий «прекрасной эпохи»⁴⁷. Безусловно, появление и усиление фашизма и нацизма, многочисленными нитями связанных с «наследием» Первой мировой, указывало на немаловажные изменения, однако, как и в других случаях, речь шла о процессе нарастающей «тотализации», а не об одномоментном «рождении» «тотальной войны» в 1914–1918 гг.

Таким образом, анализ тезиса о «разрыве» 1918 г. в истории Европы и «европейского порядка» демонстрирует его амбивалентность. Такие факторы как радикальная «перекройка» геополитической карты Европы с учетом принципа «права наций на самоопределение» (прежде всего, в Центре, на Востоке и Юго-Востоке); временное ослабление Германии и России; тренд на увеличение мощи США; появление концепций, призывавших к серьезной идейной и практической трансформации международных отношений (ленинизм и вильсонизм); общий тренд на углубление идеологических противоречий в мировой политике; усиление процессов «тотализации» войны, – все они указывали на серьезное значение 1918 г. как рубежа в развитии ряда важных международно-политических процессов. Вместе с тем сохранявшаяся мощь Германского и Советского государств, невозможность стабилизации Европы без их участия; притягательность идей восстановления «европейского концерта»; изоляционизм США и слабая степень реализации вильсоновского и ленинского проектов; относительный характер реализации на практике идей «тотальной войны», имевших к тому же свои концептуальные истоки в прошлом, – все эти факторы указывают на элементы континуитета и нацеливают, скорее, на то, чтобы вписать «разрыв» 1918 г. в более широкие исторические процессы и тренды, не абсолютизируя привнесенную Первой мировой войной новизну.

В этом отношении, как представляется, специфика истории международных отношений в Европе в межвоенный период, на который пришелся «один из самых сложных отрезков в истории развития человеческой цивилизации»⁴⁸, может быть лучше понята не столько в свете идеи о «разрыве» 1918 г., сколько тезиса о конфликтном и противоречивом сочетании тенденций «старого» и «нового». В 1920-1930-е гг. Европа оказалась словно зажата в тисках прошлых и новообразовавшихся противоречий, накладывавшихся друг на друга. Так, стремление вернуться к бывшему либеральному экономическому порядку на континенте наталкивалось на новые политические границы и противоречия, связанные с частичным, но применением «права наций на самоопределение». Различные проявления «наследия» прошлого – в т.ч. этническая «чересполосица» и наличие значительных национальных меньшинств по разные стороны от новых границ – в свою очередь, вносили свой вклад в ослабление новых государств и давали повод для возможного внешнего вмешательства в их дела (в своеобразном духе нового «европейского концерта»). Показательно, что если либерал Дж.М. Кейнс

⁴⁷ Boyce R. The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization. Basingstoke, 2009.

⁴⁸ Манькин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Введение в теорию международных отношений / Отв. ред. А.С. Манькин. М., 2001. С. 37.

критиковал Версальский мирный договор за предполагаемую чрезмерную жестокость в отношении Германии и создание препятствий для восстановления европейской экономики на былых либеральных началах⁴⁹, то французский крайне правый публицист Ж. Бенвиль, напротив, считал договор «слишком мягким при всей его жестокости»⁵⁰. «Разрыв» 1918 г. оказался недостаточно радикальным ни для возвращения Европы к прошлым порядкам, ни для создания принципиально новой модели.

Библиография:

- Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. М., 2002.
- Илюхина Р.М. Лига Наций 1919–1934. М., 1982.
- Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1922.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. Изд. 5-е. М., 1969.
- Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959.
- Магадеев И.Э. Динамика тотализации войн в истории XX столетия // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.) / Отв. ред. А. А. Богдашкин. Воронеж, 2017. С. 5–18.
- Магадеев И.Э. Уроки «Великой войны»: новые стратегические реалии в оценках военного руководства европейских держав в 1920-е гг. // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М., 2014. С. 497–526.
- Маныкин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Введение в теорию международных отношений / Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2001. С. 11–41.
- Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М., 2007.
- Нагорная О.С. Военный плен Первой мировой на Восточном фронте: традиции «прекрасной эпохи» и тенденции «тотальной войны» // Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 1. С. 122–134.
- Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: От национальных движений к созданию национальных государств / Отв. ред. М. Волос, Г.Д. Шкундин. Т. 1. М., 2012.
- Остапенко А.И. Идея мировой революции и формирование Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР в конце 1917 – начале 1918 г. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2017. №7. С. 3–13.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / Отв. ред. Г.М. Адиебеков. М., 2004.
- Пресняков А.З. Проблема мирного урегулирования на территории бывшей Австро-Венгрии: роль великих держав (1918–1921 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014.
- Романова Е.В. Первая мировая война и трансформация системы международных отношений // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. №4. С. 3–33.
- Романова Е.В. Планы держав-победительниц и мировые реалии // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М., 2014. С. 445–459.
- Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М., 2017.
- Bainville J. Les conséquences politiques de la paix. Paris, 1920.
- Bell D.A. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know it. N.Y., 2007.
- Bibliothèque nationale de France, Département des manuscrits, Nouvelles acquisitions françaises 16055.
- Boyce R. The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization. Basingstoke, 2009.
- Carley M.J. Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet–Western Relations. Lanham, 2014.

⁴⁹ Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора [1919]. М., 1922.

⁵⁰ Bainville J. Les conséquences politiques de la paix. Paris, 1920. P. 24.

- Cohrs P.O. *The Unfinished Peace after World War I: America, Britain and Stabilisation of Europe, 1919–1932*. Cambridge, 2008.
- Daudet L. *Une guerre totale: eux ou nous // Action française*. 11 mars 1916.
- Documents diplomatiques français*. 1923. T. 1. Bruxelles, 2010.
- Dunn J.S. *The Crowe Memorandum: Sir Eyre Crowe and Foreign Office Perceptions of Germany, 1918–1925*. Cambridge, 2013.
- Grayson R. *Austen Chamberlain and the Commitment to Europe: British Foreign Policy, 1924–29*. London, 1997.
- Jackson S. *Prologue to the Marshall Plan: The Origins of the American Commitment for a European Recovery Program // The Journal of American History*. 1979. Vol. 65. No. 4. P. 1043–1068.
- Johnson G. *Austen Chamberlain and Britain's Relations with France, 1924–1929 // Diplomacy & Statecraft*. 2006. Vol. 17. No. 4. P. 753–769.
- Morgan J.H. *Le problème de la sécurité // Revue des deux mondes*. 15 Juin 1925. P. 870–896.
- Overy R.J. *Air Power and the Origins of Deterrence Theory before 1939 // Journal of Strategic Studies*. 1992. Vol. 15. No. 1. P. 73–101.
- Renwick R. *Fighting with Allies: America and Britain in Peace and War*. London, 1996.
- Reynolds D. *Churchill's Writing of History: Appeasement, Autobiography and The Gathering Storm // Transactions of the Royal Historical Society*. 6th Ser. Vol. 11. Cambridge, 2001. P. 221–248.
- Reynolds D., Dimbleby D. *An Ocean Apart: The Relationship between Britain and America in the Twentieth Century*. N.Y., 1988.
- Saint-Amour P.K. *On the Partiality of Total War // Critical Inquiry*. 2014. Vol. 40. No. 2. P. 420–449.
- Sharp A. *Anglo-French Relations from Versailles to Locarno, 1919–1925: The Quest for Security // Anglo-French Relations in the Twentieth Century: Rivalry and Cooperation / Ed. by A. Sharp, G. Stone*. London, 2000. P. 120–138.
- Sharp A. *Versailles 1919: A Centennial Perspective*. London, 2018.
- Smith L.V. *Sovereignty at the Paris Peace Conference of 1919*. Oxford, 2018.
- Soutou G.-H. *La Première Guerre mondiale: une rupture dans l'évolution de l'ordre européen // Politique étrangère*. 2000. Vol. 65. No. 3. P. 841–853.
- Soutou G.-H. *Les grandes puissances et la question des nationalités en Europe centrale et orientale pendant et après la Première Guerre mondiale: actualité ou passé? // Politique étrangère*. 1993. Vol. 58. No. 3. P. 697–711.
- Steiner Z. [Review] // *The English Historical Review*. 2007. Vol. 122. No. 498. P. 1059–1061.
- Strachan H. *The First World War as a Global War // First World War Studies*. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 3–14.
- The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with His Sisters Hilda and Ida, 1916–1937 / Ed. by R.C. Self*. Cambridge, 1995.
- The National Archives of Great Britain, Cabinet Office 24/110, 24/172.
- Thompson J.A. *Wilsonianism: the Dynamics of Conflicted Concept // International Affairs*. 2010. Vol. 86. No. 1. P. 27–47.
- Weinberg G. *The Defeat of Germany in 1918 and the European Balance of Power // Central European History*. 1969. Vol. 2. No. 3. P. 248–260.
- Wilson P.H. *Was the Thirty Years War a "Total War"? // Civilians and War in Europe 1640–1815 / Ed. by E. Rosenhaft, E. Charters, H. Smith*. Liverpool, 2012. P. 21–35.

Bibliography:

- Bainville J. Les conséquences politiques de la paix. Paris, 1920.
- Bell D.A. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know it. N.Y., 2007.
- Bibliothèque nationale de France, Département des manuscrits, Nouvelles acquisitions françaises 16055.
- Boyce R. The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization. Basingstoke, 2009.
- Carley M.J. Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet–Western Relations. Lanham, 2014.
- Cohrs P.O. The Unfinished Peace after World War I: America, Britain and Stabilisation of Europe, 1919–1932. Cambridge, 2008.
- Daudet L. Une guerre totale: eux ou nous // Action française. 11 mars 1916.
- Djevis D., Trani Ju. Pervaja holodnaja vojna. M., 2002.
- Documents diplomatiques français. 1923. T. 1. Bruxelles, 2010.
- Dunn J.S. The Crowe Memorandum: Sir Eyre Crowe and Foreign Office Perceptions of Germany, 1918–1925. Cambridge, 2013.
- Grayson R. Austen Chamberlain and the Commitment to Europe: British Foreign Policy, 1924–29. London, 1997.
- Iľuhina R.M. Liga Nacij 1919–1934. M., 1982.
- Jackson S. Prologue to the Marshall Plan: The Origins of the American Commitment for a European Recovery Program // The Journal of American History. 1979. Vol. 65. No. 4. P. 1043–1068.
- Johnson G. Austen Chamberlain and Britain's Relations with France, 1924–1929 // Diplomacy & Statecraft. 2006. Vol. 17. No. 4. P. 753–769.
- Kejns Dzh.M. Jekonomicheskie posledstvija Versal'skogo mirnogo dogovora. M., 1922.
- Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 37. Izd. 5-e. M., 1969.
- Lokarnskaja konferencija 1925 g. Dokumenty. M., 1959.
- Magadeev I.Je. Dinamika totalizacii vojn v istorii HH stoletija // Fenomen mirovyh vojn v istorii HH veka: materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii (g. Voronezh, 11–12 maja 2017 g.) / Ed. by A.A. Bogdashkin. Voronezh, 2017. P. 5–18.
- Magadeev I.Je. Uroki «Velikoj vojny»: novye strategicheskie realii v ocenkah voennogo rukovodstva evropejskih derzhav v 1920-e gg. // Pervaja mirovaja vojna i sud'by evropejskoj civilizacii / Ed. by L.S. Belousov, A.S. Manykin. M., 2014. P. 497–526.
- Manykin A.S. Sistemnost' v mezhdunarodnyh otnoshenijah: sodержanie, prichiny formirovanija i jetapy razvitija // Vvedenie v teoriju mezhdunarodnyh otnoshenij / Ed. by A.S. Manykin. M., 2001. P. 11–41.
- Medjakov A.S. Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Novoe vremja. M., 2007.
- Morgan J.H. Le problème de la sécurité // Revue des deux mondes. 15 Juin 1925. P. 870–896.
- Nagornaja O.S. Voennyj plen Pervoj mirovoj na Vostochnom fronte: tradicii «prekrasnoj jepohi» i tendencii «total'noj vojny» // Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii». 2011. No. 1. P. 122–134.
- Narody Gabsburgskoj monarhii v 1914–1920 gg.: Ot nacional'nyh dvizhenij k sozdaniju nacional'nyh gosudarstv / Ed. by M. Volos, G.D. Shkundin. Vol. 1. M., 2012.
- Ostapenko A.I. Ideja mirovoj revoljucii i formirovanie Narodnogo komissariata po inostrannym delam RSFSR v konce 1917 – nachale 1918 g. // Prepodavanje istorii i obshhestvoznaniya v shkole. 2017. No. 7. P. 3–13.
- Overy R.J. Air Power and the Origins of Deterrence Theory before 1939 // Journal of Strategic Studies. 1992. Vol. 15. No. 1. P. 73–101.
- Politbjuro CK RKP(b) – VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty / Ed. by G.M. Adibekov. M., 2004.
- Presnjakov A.Z. Problema mirnogo uregulirovanija na territorii byvshej Avstro-Vengrii: rol' velikih derzhav (1918–1921 gg.). Ph.D. Dissertation. M., 2014.
- Renwick R. Fighting with Allies: America and Britain in Peace and War. London, 1996.

- Reynolds D. Churchill's Writing of History: Appeasement, Autobiography and The Gathering Storm // Transactions of the Royal Historical Society. 6th Ser. Vol. 11. Cambridge, 2001. P. 221–248.
- Reynolds D., Dimbleby D. An Ocean Apart: The Relationship between Britain and America in the Twentieth Century. N.Y., 1988.
- Romanova E.V. Pervaja mirovaja vojna i transformacija sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 2014. No. 4. P. 3–33.
- Romanova E.V. Plany derzhav-pobeditel'nic i mirovye realii // Pervaja mirovaja vojna i sud'by evropejskoj civilizacii / Ed. by L.S. Belousov, A.S. Manykin. M., 2014. P. 445–459.
- Saint-Amour P.K. On the Partiality of Total War // Critical Inquiry. 2014. Vol. 40. No. 2. P. 420–449.
- Sharp A. Anglo-French Relations from Versailles to Locarno, 1919–1925: The Quest for Security // Anglo-French Relations in the Twentieth Century: Rivalry and Cooperation / Ed. by A. Sharp, G. Stone. London, 2000. P. 120–138.
- Sharp A. Versailles 1919: A Centennial Perspective. London, 2018.
- Smith L.V. Sovereignty at the Paris Peace Conference of 1919. Oxford, 2018.
- Soutou G.-H. La Première Guerre mondiale: une rupture dans l'évolution de l'ordre européen // Politique étrangère. 2000. Vol. 65. No. 3. P. 841–853.
- Soutou G.-H. Les grandes puissances et la question des nationalités en Europe centrale et orientale pendant et après la Première Guerre mondiale: actualité ou passé? // Politique étrangère. 1993. Vol. 58. No. 3. P. 697–711.
- Steiner Z. [Review] // The English Historical Review. 2007. Vol. 122. No. 498. P. 1059–1061.
- Strachan H. The First World War as a Global War // First World War Studies. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 3–14.
- The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with His Sisters Hilda and Ida, 1916–1937 / Ed. by R.C. Self. Cambridge, 1995.
- The National Archives of Great Britain, Cabinet Office 24/110, 24/172.
- Thompson J.A. Wilsonianism: the Dynamics of Conflicted Concept // International Affairs. 2010. Vol. 86. No. 1. P. 27–47.
- Tuz A. Vsemirnyj potop. Velikaja vojna i pereustrojstvo mirovogo porjadka, 1916–1931 gody. M., 2017.
- Weinberg G. The Defeat of Germany in 1918 and the European Balance of Power // Central European History. 1969. Vol. 2. No. 3. P. 248–260.
- Wilson P.H. Was the Thirty Years War a “Total War”? // Civilians and War in Europe 1640–1815 / Ed. by E. Rosenhaft, E. Charters, H. Smith. Liverpool, 2012. P. 21–35.